

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2022-10-1-38-52>

Советско-кубинские отношения после Карибского кризиса, крах разрядки и уроки на будущее

© Б.Ф. Мартынов, 2022

Мартынов Борис Федорович, д.полит.н., профессор, заведующий кафедрой международных отношений и внешней политики России МГИМО МИД России, Москва (Россия)
Для корреспонденции: 119454, Россия, Москва, просп. Вернадского, 76

E-mail: bfmartynoff@gmail.com

Статья поступила в редакцию: 25.01.2022

Доработана после рецензирования: 26.02.2022

Принята к публикации: 05.03.2022

Для цитирования: Мартынов Б.Ф. Советско-кубинские отношения после Карибского кризиса, крах разрядки и уроки на будущее. *Ибероамериканские тетради*. 2022, 10(1): 38–52. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2022-10-1-38-52>.

→ Аннотация

Итоги Карибского кризиса в отечественной и зарубежной литературе редко освещались с точки зрения советско-кубинских отношений, которые повлияли на интернационалистскую политику Кубы в Африке в 1970–х гг. XX в. В статье анализируются степень самостоятельности политики Кубы в Африке, участие в этой политике СССР и справедливость обвинений, выдвинутых Вашингтоном. Результаты проведенного анализа показали, что отправка Кубой своих «добровольцев» сначала в Анголу, а затем и в Эфиопию осуществлялась не по инициативе СССР, который стремился сохранить разрядку в отношениях с Западом. Притом новое ухудшение отношений с Кубой в условиях обострения советско-китайских противоречий, усиление центробежных тенденций в «социалистическом содружестве» и появление «еврокоммунизма» угрожали дальнейшим ослаблением мировой системы социализма и размытием идеологических основ марксизма-ленинизма. Однако обвинения в адрес СССР относительно вмешательства в Африку были использованы администрацией Дж. Картера для одностороннего отказа от политики разрядки, которая в глазах США себя изжила. Точку в окончании политики разрядки поставил Афганистан. Анализ интернационалистской активности Кубы в Африке позволил автору сделать ряд выводов касательно ее последствий для международного коммунистического движения.

и влияния на расстановку сил в мире накануне начала политики перестройки в Советском Союзе. Окончание политики разрядки не позволило СССР перенаправить средства, высвобождаемые от гонки вооружений, на улучшение условий жизни советского народа. Революционная активность Кубы способствовала расслоению ранее единого «фронта антиимпериалистических сил». Ослабление идеологических устоев «реального социализма» стало дополнительным фактором, который подвигнул советское руководство в лице М.С. Горбачева к началу политики «перестройки». «Успехи» Кубы в Африке способствовали консолидации кубинского общества вокруг политики кубинской компартии, что, в свою очередь, помогло ей пережить трудности «особого периода в мирное время» начала 1990-х гг.

→ Ключевые слова

Холодная война, Карибский кризис, политика разрядки, Ангола, Сомалийско-Эфиопский конфликт, внешняя политика Кубы, политика «перестройки»

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Research article

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2022-10-1-38-52>

Soviet-Cuban relations after the Caribbean crisis, the collapse of détente and lessons for the future

© B.F. Martynov, 2022

Boris F. Martynov, Dr. habil. (Politics), Professor, Head of the Department of International Relations and Foreign Policy of Russia, MGIMO University, Moscow (Russia)

For correspondence: 119454, Russia, Moscow, Vernadskogo Ave., 76

E-mail: bfmartynoff@gmail.com

Received: 25.01.2021

Revised: 26.02.2021

Accepted: 05.03.2021

For citation: Martynov B.F. Soviet-Cuban relations after the Caribbean crisis, the collapse of détente and lessons for the future. *Cuadernos Iberoamericanos* 10, no. 1 (2022): 38-52. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2022-10-1-38-52>.

→ Abstract

The results of the Caribbean crisis in the domestic and foreign literature have rarely been covered from the point of view of the Soviet–Cuban relations that influenced the internationalist policy of Cuba in Africa in the 1970s. The author analyzes: the degree of independence of Cuba's policy in Africa, the participation of the USSR in it and the fairness of accusations brought by Washington. The results of the analysis show that deploying of Cuban "volunteers" in Angola and then in Ethiopia was not initiated by the USSR, which aimed at maintaining détente in relations with the West. Moreover, new deterioration of relations with Cuba amid escalating Chinese–Soviet tensions, increasing centrifugal tendencies in the "socialist commonwealth" and emergence of "Eurocommunism" threatened to further weaken the "world system of socialism" and erode the ideological foundations of Marxism–Leninism. By analyzing Cuba's internationalist activity in Africa, the author has been able to draw some conclusions about its implications for the international communist movement and its influence on the balance of power in the world before perestroika policy began in the Soviet Union. The end of détente policy did not allow the USSR to redirect the resources released from the arms race to improving the living conditions of the Soviet people. Cuban revolutionary activity contributed to fragmentation of the formerly united "upfront anti-imperialist forces." The weakening of the ideological foundations of "real socialism" was an additional factor that prompted the Soviet leadership, represented by Mikhail Gorbachev, to begin a policy of perestroika. Cuba's 'progress' in Africa contributed to consolidation of Cuban society around the policy of the Cuban Communist Party, which, in turn, helped it to withstand the difficulties of the "peculiar period of peace" in the early 1990s.

→ Keywords

Cold War, Caribbean crisis, détente, Angola, the Somalia – Ethiopian conflict, foreign policy of Cuba, perestroika, USSR

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the author.

Чем дальше в глубины истории уходит Карибский кризис, тем более рельефными предстают сегодня перед нами его наиболее характерные черты. После событий октября 1962 г. мир стал иным. Заглянув за край термоядерной пропасти, лидеры СССР и США поняли, что альтернативой всеобщему уничтожению может быть только разрядка напряженности, и предприняли первые шаги в этом направлении¹. Отнюдь не случайно, что итоги Карибского кризиса в отечественной и зарубежной литературе рассматривались и, в основном, продолжают рассматриваться в контексте развития советско–американских отношений. Между тем советско–кубинские отношения, которые после этого эпохального события приобрели свою собственную специфику, имели не менее долгосрочные политические последствия и также в скором времени приобрели глобальное измерение.

Как известно, советско–американские переговоры об урегулировании Карибского кризиса, проходившие в условиях цейтнота и порой на грани фиаско, завер-

шились выводом с Кубы советских ракет средней и малой дальности и всего оружия, которое Соединенные Штаты сочли «наступательным». В обмен на это Вашингтон дал обещание (нигде не зафиксированное, впрочем, документально) не нападать на Кубу и вывести из Турции ракеты средней дальности, которые непосредственно угрожали территории СССР. По просьбе американской стороны вывод ракет из Турции не связывался непосредственно с итогами урегулирования кризиса и позднее был подан в качестве жеста «доброй воли» США.

Карибский кризис, последствия которого были объективно оценены обеими сторонами, заложил основы разрядки в советско-американских отношениях. Советско-кубинские же отношения после Карибского кризиса вступили в полосу серьезного кризиса. Переговоры Кеннеди и Хрущева велись за спиной Ф. Кастро. Односторонний, без консультации с Кубой, вывоз с острова советских ракет, более того – оскорбительное для Кубы предложение Хрущева о контроле со стороны США за погрузкой ракет на советские суда в кубинских портах и далее – об их сопровождении американскими самолетами в кубинских же территориальных водах – вызвали возмущение кубинского руководства. В своем выступлении по итогам Карибского кризиса, которое состоялось в Гаване, Ф. Кастро перед многотысячной аудиторией обвинил советское руководство в «неуважении» к кубинскому народу и подверг острой критике лично Н.С. Хрущева. «На Кубе воцарилось разочарование», – писал британский ученый Р. Готт. «Ракетный кризис стал одним из тех очень немногих событий в ходе Кубинской революции, которые Ф. Кастро не смог обратить себе на пользу. Он не привык терпеть поражения и не хотел испытывать унижение, тем более со стороны союзника, с которым еще совсем недавно так тесно себя связал»¹.

Разрыв с Кубой, которая ранее рассматривалась в Советском Союзе как первая страна Западного полушария, выбравшая социализм в качестве нового общественного строя, а марксизм-ленинизм в качестве новой идеологии, не устраивал советское руководство. Помимо серьезного идеологического и политического ущерба, такой разрыв сыграл бы на руку Китаю, отношения с которым у Советского Союза после Карибского кризиса испортились, казалось, уже окончательно и бесповоротно. К тому же он нанес бы серьезный удар по престижу СССР и марксистско-ленинской идеологии в странах так называемого «третьего мира», которые встали на путь «некапиталистического развития». Для срочного исправления ситуации на переговоры с руководством Кубы на остров в ноябре 1962 г. отбыл член Политбюро ЦК КПСС А.И. Микоян. Показательны слова Фиделя Кастро, сказанные им в интервью одной французской журналистке в 1963 г.: «Если бы Хрущев приехал сам, я бы его ударил»².

Все детали этих непростых переговоров, проходивших порой на грани нервного срыва, хорошо изложены в монографии присутствовавшего на них сына А.И. Микояна, С.А. Микояна, «Анатомия Карибского кризиса», которая вышла в России в 2006 г. О напряженности ситуации свидетельствовал, например, тот факт, что Анастас Иванович не смог прервать переговоры даже для того чтобы на время вернуться в Москву на похороны своей жены.

Протоколы советско-кубинских переговоров говорили о готовности Москвы пойти на серьезные уступки Гаване в целях урегулирования возникшего конфликта. «Мы считаем победу Кубинской революции огромным вкладом в дело марксизма-ленинизма, – заверял А.И. Микоян Фиделя Кастро. – Ее поражение нанесло бы непоправимый удар по марксизму и революционному движению в других странах... Наш долг – сделать все, чтобы защитить Кубу»³.

1 Gott 2007, 318.

2 Микоян 2006, 302.

3 Gleijeses 1997, 339.

Временами слова Микояна звучали как попытка оправдаться: «Мы думали проконсультироваться с вами...», «Мы считали, что ракеты на Кубе выполнили свое предназначение, поставив остров в центр дипломатического внимания...», «В нормальных условиях мы представили бы вам детальный план урегулирования...» и т.д.¹

Те же документы свидетельствуют, что Ф. Кастро не старался щадить чувства своего *vis-à-vis*: «Оценивая то, что произошло, мы считаем, что все должно было быть сделано по-другому...». Предложенные советской стороной инспекции, равно в портах или в территориальных водах, «унизительные», по его словам, для кубинцев, «произвели гнетущее впечатление на наш народ»².

Главные же слова, имевшие серьезные политические последствия, были сказаны Фиделем Кастро А.И. Микояну 5 ноября: «В текущих обстоятельствах мы могли бы освободить Советский Союз от взятых им на себя обязательств и сами позаботиться об обеспечении собственной безопасности (Курсив мой – Авт.) в условиях сложившейся непредсказуемости. Мы не имеем права подвергать опасности мир во всем мире, но у нас есть полное право самим защищаться от агрессии». Итог переговоров подвел тогдашний Президент Кубы О. Дортикос: «То, о чем сказал товарищ Фидель, не подлежит обсуждению, поскольку все мы согласны с его словами»³.

В Советском Союзе, по-видимому, не придали большого значения этой фразе кубинского лидера. Казалось, что окончательную черту под советско-кубинским «непониманием», случившимся в дни Карибского кризиса, подвели слова, сказанные постоянным представителем Кубы в ООН К. Лечугой советскому постпреду при этой организации В.В. Кузнецову 7 ноября 1962 г.: «Куба поддерживает миролюбивую политику Советского Союза и считает, что непонимание, которое возникло на Кубе в связи с шагами по его преодолению, теперь полностью устранено»⁴.

Однако уже в следующем году Куба начинает устанавливать активные контакты с представителями леворадикальных движений Боливии, Перу и Аргентины, исповедующих вооруженные методы борьбы. Именно тогда Э. Че Гевара перешел к разработке планов континентальной революции, логистическим центром которой была наметана Боливия – страна, расположенная в самом центре южноамериканского материка. Вскоре «делать революцию» в Боливию отправится сам Э. Че Гевара. Эта политика шла вразрез с положением «2-й Гаванской декларации народа Кубы» (февраль 1962 г.)⁵ о том, что «революции не экспортируются, их совершают народы». Причина была очевидна: путем совершения «революционных перемен» в близлежащих от Кубы странах руководство страны намеревалось создать для себя «периметр безопасности», способный оградить Остров Свободы от эвентуальной агрессии со стороны США. Убийство Кеннеди, который дал Хрущеву устное обещание не нападать на Кубу, и последовавшая вскоре эскалация войны США во Вьетнаме многократно усилили эту стратегию. Установка на бескомпромиссную вооруженную борьбу с американским империализмом и неокOLONиализмом была подтверждена на конференции народов Азии, Африки и Латинской Америки в Гаване в январе 1966 г. (конференция «Трикониненталь»). В письме, направленном ее делегатам из боливийских джунглей, Э. Че Гевара призвал устроить для США «один, два, три, много Вьетнамов», чтобы не только гарантировать «победу национально-освободительных движений» в мировом масштабе (что, очевидно, и было

1 Gleijeses 1997, 340–341.

2 Ibid., 343.

3 Ibid., 343.

4 Ibid., 330.

5 Была принята в ответ на декларацию Консультативного совещания министров иностранных дел стран-членов ОАГ в Пунта-дель-Эсте (Уругвай) о «несовместимости марксизма-ленинизма с принципами межамериканской системы»).

долгосрочной целью), но и в качестве ближайшей и самой непосредственной задачи – гарантировать безопасность Кубы.

Конференция «Триконтиненталь» была прохладно встречена в Москве. Эпопея «Героического Партизана» в Боливии и попытки Кубы стимулировать партизанскую активность в других странах региона были квалифицированы ЦК КПСС как проявления «троцкизма» и «авантюризма». Там, очевидно, полагали, что поддержка Москвой левого радикализма в Латинской Америке лишь осложнит и без того напряженную мировую обстановку. К тому же в ЦК КПСС с учетом опыта Кубы не могли не понимать, что появление в Латинской Америке еще одного или нескольких правительств «социалистической ориентации» ляжет дополнительным бременем на экономику СССР.

Обвинение в «авантюризме» имело под собой реальные основания. Ответом на разгул «партизанщины» стала череда военных переворотов, которая прокатилась по всей Латинской Америке, начиная с Бразилии (апрель 1964 г.). Военные не смирились с тем, что они назвали «коммунистическим проникновением» в свои страны со стороны СССР, Китая и Кубы, приняв на вооружение концепцию «внутреннего фронта» и перейдя к тактике антипартизанской войны с опорой на помощь со стороны США. Гибель Э. Че Гевары в горах Боливии нанесла серьезный моральный удар по планам «континентальной революции». А кровавый военный переворот в Чили, свергнувший законно избранного президента этой страны С. Альенде (сентябрь 1973 г.), показал кубинскому руководству, что Латинская Америка оказалась на время закрытой не только для вооруженного, но и для мирного «пути к социализму».

Однако дело «защиты революционных завоеваний» на Кубе не потеряло от этого своей актуальности. После «Революции гвоздик» в Португалии (апрель 1974 г.) теперь уже бывшие африканские колонии – Ангола, Мозамбик и Гвинея-Бисау – стали рассматриваться в Гаване как ближайшие кандидатуры на присоединение к «мировой системе социализма».

Как отмечал профессор Университета им. Джонса Хопкинса П. Глехейсес, до 1975 г. африканская политика Кубы прошла три фазы развития: период до 1964 г., когда в центре ее внимания находился Алжир; период 1964–1966 гг., когда внимание Гаваны переместилось на страны Африки южнее Сахары с отправкой первых кубинских контингентов в Заир и Конго (Браззавиль); успешное вовлечение Кубы в события в Гвинее-Бисау (1966–1974 гг.) и, наконец, ее роль в гражданской войне в Анголе (1975 г.)¹. В качестве четвертой фазы к этому списку можно было бы добавить прямое участие кубинских войск в сомалийско-эфиопском конфликте в провинции Огаден (1977–1978 гг.). Особо следует обратить внимание на то, что, как свидетельствуют архивные документы, все эти «фазы» инициировались Кубой *вне предварительных консультаций и без помощи СССР на начальных этапах своего развития*. Причину постоянно возраставшей активности кубинцев в Африке, кульминацией которой стало прямое участие кубинских «добровольцев» в боях с вооруженными формированиями ФНЛА и УНИТА в Анголе, а также с регулярными армиями Заира, Сомали и ЮАР, хорошо изложил один из них: «Все эти годы мы не сомневались, что они (США) нападут на нас, и для нас было лучше вести войну с ними на «дальних подступах», чем в своей собственной стране»².

Связи кубинцев с промарксистским Народным движением за освобождение Анголы (МПЛА) во главе с А. Нето были установлены еще в 1965 г. по инициативе все того же Э. Че Гевары. В 1966–1967 гг. вооруженные отряды МПЛА проходили обучение под руководством кубинских инструкторов во главе с будущим членом Политбюро ЦК Компартии Кубы Х. Рискетом.

1 Gleijeses 1997, 5.

2 Ibid., 7.

11 ноября 1975 г. – официальная дата провозглашения Республики Ангола – стало своеобразной финишной чертой. Захватить до этого времени столицу Анголы – Луанду, находившуюся в руках сторонников МПЛА, пытались две другие оспаривавшие политическую власть группировки: прозападная ФНЛА¹ и прокитайская УНИТА². Летом того же года США усилили свою помощь (включая военную) отрядам ФНЛА и УНИТА, а проамериканский режим Мобуту в Заире отправил на север Анголы регулярные войска. В ответ на это П. Глейхесес писал: «Куба переключила передачу: началась “Операция Карлота”»³.

В августе 1975 г. в Анголу на судах кубинского торгового флота прибыли первые контингенты Кубинской военной миссии в Анголе (ММСА) в количестве примерно 450 человек, с собственным снаряжением и оружием чехословацкого производства. 23 сентября кубинцы имели первое боестолкновение с отрядами Х. Роберто и подразделениями регулярной заирской армии в районе Морро ду Кал. Кубинские добровольцы способствовали серьезному укреплению военных и политических позиций МПЛА. Тогда в дело вступили регулярные войска Южноафриканской республики. Ноябрьские бои на юге Анголы выявили серьезное моральное превосходство кубинцев над сильнейшей на Африканском континенте армией расистского режима ЮАР. «Мы столкнулись с прекрасно организованным и упорным сопротивлением со стороны нашего противника», – писал о ноябрьских боях в Бенгеле южноафриканский полковник Ян Брейтенбах. «Кубинцы, – писала кейптаунская «Кейп Таймс», – крайне редко сдавались в плен и предпочитали умирать с улыбкой на устах»⁴.

Вторжение южноафриканцев заставило Гавану ускорить переброску новых добровольческих контингентов. До января 1976 г., утверждает П. Глейхесес, кубинские войска «в отсутствие всякой помощи из СССР (Курсив мой – Авт.) перебрасывались в Анголу на старых поршневых самолетах «Бристоль-Британия» и советских турбовинтовых «Ил-18», причем на своем долгом пути в Африку они были вынуждены делать две остановки для дозаправки. При этом они шли на осознанный риск⁵. Способные совершать беспосадочный перелет советские самолеты «Ил-62» с советскими экипажами были предоставлены кубинской стороне лишь в январе 1976 г., т.е. уже после того, как правительство МПЛА в Луанде было признано международным сообществом (Курсив мой – Авт.). Все это позволило П. Глейхесису утверждать, что «кубинская и советская политики в Африке шли параллельными (т.е. непересекающимися – Авт.) курсами» и что кубинская политика на черном континенте была продиктована «национальными интересами Кубы и кубинской идеологией», – факт, добавляет он, «который Соединенные Штаты должны были прекрасно осознавать». «Кубинцы, – продолжает ученый, – надеялись, что их связи с Африкой помогут им укрепить свое положение среди неприсоединившихся стран и заставят страны социализма с большей толерантностью относиться к проявлению ими своей самостоятельности»⁶. С этим ученым согласен и проф. Арне Вестад (Йельский университет), который уверен, что «в 1975 г. Фидель Кастро осуществил военную поддержку МПЛА без консультации с Москвой и даже не поставив ее в известность. Хотя в целом это и вписывалось в общий контекст советской внешней политики, но именно Ф. Кастро и председатель МПЛА Агостиньо Нето продумали и осуществили эту интервенцию».

1 Фронт Национального Освобождения Анголы во главе с Холденом Роберто.

2 Национальный Союз за полное Освобождение Анголы во главе с Жонасом Савимби.

3 Gleijesis 1997, 9.

4 Ibid.

5 Последняя остановка – в Гвинее-Бисау, не представляла проблемы. После того как Барбадос, под нажимом США, отказался стать первой, площадки предоставили Гайяна и Азорские острова. При этом, однако, учитывая более длинное «плечо» над океаном, кубинские самолеты приземлялись на Азорах с почти пустыми баками.

6 Westad 1997, 21.

Далее этот автор пишет следующее: «Советские руководители были не в восторге от планов Кастро. Они не хотели предоставлять Анголе своих советников и транспортные самолеты до официального провозглашения этой страной своей независимости. Они опасались поставить под вопрос политику разрядки в отношениях с США». Но, «независимо от своего недовольства, они считали недопустимым (Курсив мой – Авт.) возмущать Кастро»¹. Ситуация, когда «хвост» (Куба) вертел «собакой» (СССР), повторилась довольно скоро в ходе конфликта в эфиопской провинции Огаден (1977–1978 гг.).

* * *

«Разрядка была похоронена в песках Огадена», – эти слова помощника президента США по национальной безопасности Збигнева Бжезинского облетели весь мир. Они не оставляли сомнения в том, что за вмешательством Кубы сначала в Анголе, а затем – в Эфиопии стоял Советский Союз. Таким образом, Москва, используя своего «прокси» – Кубу, якобы нарушила положения «Основ взаимоотношений между США и СССР» – документа, который был подписан президентом США Р. Никсоном в ходе визита в Москву в мае 1972 г., и тем самым в одностороннем порядке сама отказалась от политики разрядки. А окончательную точку в ней поставил ввод советских войск в Афганистан. Заявляя это, Зб. Бжезинский, однако, понимал, что в реальности ситуация была совершенно иной².

История территориального спора между Сомали и Эфиопией из-за провинции Огаден хорошо известна и в комментариях не нуждается. Менее известна инициатива Ф. Кастро о создании так называемой «Конфедерации стран Африканского рога» в составе государств «социалистической ориентации» – Эфиопии, Сомали и Южного Йемена. Понятно, что образование подобной структуры под эгидой Кубы существенно усилило бы международные позиции Кастро. При этом инициатива кубинского лидера «до боли» напоминала вызвавшую гнев Сталина в 1948 г. инициативу Иосипа Броз Тито по созданию «Балканской федерации». Однако в отличие от бурной реакции «вождя народов» в 1948 г. реакция советского руководства на далеко идущие планы кубинского лидера была как бы «никакой». Но Ф. Кастро при этом не учел геополитические и личные амбиции сомалийского лидера М. Сиада Барре.

Согласно записи беседы, которая состоялась 16 марта 1977 г. в г. Адене между Ф. Кастро, Сиадом Барре и руководителем Эфиопии М. Хайле Мариамом, сомалийский лидер «в заносчивых выражениях» (*"in arrogant terms"*) потребовал от присутствовавших возвращения Сомали провинции Огаден. При этом он добавил, что если социалистические страны не примут этого предварительного условия для создания конфедерации, тогда Сомали обратится за помощью к «реакционным странам» (*"reactionary countries"*)³.

Возвращаясь на Кубу через ГДР, Ф. Кастро 3 апреля 1977 г. встретился в Берлине с руководителем ГДР Эрихом Хонекером, которому в нелестных выражениях высказал свое мнение о Сиаде Барре: «Я составил свое мнение об этом человеке. Он в первую очередь – шовинист. Социализм в нем – лишь оболочка, делающая его более привлекательным. Партия для него – опора единоличной власти»⁴. Эти слова кубинского лидера объясняют однозначную позицию Кубы в последовавшем вскоре сомалийско-эфиопском конфликте (июль–август 1977 г.).

Гораздо сложнее было определиться Москве. Ей пришлось выбирать одного из двух своих союзников в условиях жесткого цейтнота. Напомним, что между Сомали и

1 Westad 1997, 25.

2 Spencer 2020.

3 "Interview of Berhanu Bayeh," 1997.

4 "Transcript of Meeting between East German leader Erich Honecker and Cuban Leader Fidel Castro," 1997.

СССР в 1974 г. был подписан Договор о дружбе и сотрудничестве сроком на 20 лет. Но на деле выбирать Москве пришлось даже не из двух, а из трех союзников, принимая в расчет однозначно анти-сомалийскую и про-эфиопскую ориентацию Кубы.

Казалось, что для СССР чаша весов в сомалийско-эфиопском споре должна была бы склоняться в пользу Сомали, и не только по причине существования двустороннего договора. Для «Большого флота Страны Советов», который в соответствии с «доктриной адмирала Горшкова» начал активно осваивать океанские просторы, требовались глубоководные океанские порты и базы («пункты технической поддержки»). Таких портов у Сомали насчитывалось два (Могадишо и Берберера), а у Эфиопии – всего один – Массавы, да и тот в провинции Эритрея, где в 1977 г. шла кровопролитная война за отделение от Эфиопии. С победой эритрейских повстанцев и образованием в 1993 г. независимого государства Эритрея Эфиопия потеряла выход к морю.

Однако ссориться с Кубой для Москвы теперь стало еще накладнее: политика разрядки все активнее ставилась под сомнение в США как «выгодная исключительно для СССР», советско-китайские отношения по-прежнему оставались напряженными, а в Европе все большую популярность набирал «еврокоммунизм». Размещение на европейской территории СССР советских ракет средней дальности «СС-20» вызвало тревогу на Западе. На Африканском континенте, отмечал обозреватель, «Советский Союз столкнулся с ситуацией, которой он не желал и которую не предвидел. Советы не хотели выбирать между Эфиопией и Сомали и стремились оттянуть принятие тяжелого для них решения на как можно более долгий срок»¹. При этом в ЦК КПСС хорошо понимали, что очередное «охлаждение» отношений с Кубой грозило новым серьезным ударом по позициям СССР в «социалистическом содружестве» и в мире в целом с непредсказуемыми последствиями. А потерять глубоководные кубинские порты, способные принимать крупнотоннажные военные корабли и атомные подводные лодки, для Советского Союза было бы «накладно» по сравнению с потерей сомалийских портов.

В июле 1977 г. сомалийская армия начала наступление в Огадене, и Москве пришлось принимать нелегкое для себя решение, определяющим фактором в котором стала позиция Кубы. В конце года для выполнения «интернационального долга» началась переброска в Эфиопию 18-тысячного кубинского контингента под командованием генерала Арнальдо Очоа. В январе 1978 г. на фронте в Огадене возобновились активные боевые действия, в результате которых сомалийские войска стали терпеть одно поражение за другим. Основными ударными силами в огаденской кампании были бронетанковые подразделения кубинцев. Участие СССР в конфликте сводилось исключительно к отправке советников в эфиопскую армию, снаряженную в основном американским оружием, в то время как сомалийские войска были вооружены советским. В ноябре 1977 г. Сомали в ответ на поддержку Москвой своего противника разорвала советско-сомалийский договор о дружбе и сотрудничестве, который просуществовал неполных три года. К 15 марта 1978 г. последние подразделения армии Сомали оставили территорию Эфиопии, и война закончилась.

В 1975–1977 гг. Соединенные Штаты стали демонстрировать все большую «усталость» от разрядки (*détente*). Вопреки уверениям советской прессы того периода в том, что «у разрядки нет альтернативы», такой альтернативой стали великодержавные амбиции Соединенных Штатов. К тому времени им в основном удалось преодолеть «вьетнамский синдром» и последствия уотергейтского скандала, которые вынуждали Вашингтон воздерживаться от резких шагов на международной арене и придерживаться роли миротворца. К тому времени в Соединенных Штатах была принята на вооружение новая стратегия в отношениях с СССР. Она, в отличие от предыдущей, предполагавшей

«сосуществование с Советским Союзом на неопределенно долгий срок» (Г. Киссинджер), ставила своей целью довести противника до распада и уничтожения с помощью раскрутки дорогостоящей гонки вооружений и политики «прав человека». Разрядка становилась обузой для тех, кто добивался глобальной гегемонии США путем дискредитации Советского Союза и его внутренней и внешней политики. Это проявилось уже во время короткого президентства Дж. Форда, который публично отказался от употребления термина «разрядка»¹.

В вину СССР как стороне якобы «ответственной» за крах политики разрядки последовательно ставились его «вмешательство» в события в Анголе и на Африканском Роге, «незаконное» размещение советской «бригады» на Кубе (1979 г.) и, наконец, как кульминация, ввод войск в Афганистан. Следует отметить, что все эти обвинения, за исключением последнего, носили откровенно ложный либо надуманный, как в случае с «бригадой» на Кубе, характер.

В подтверждение можно привести мнение члена Совета по национальной безопасности США Р. Пастора, которое было изложено им в записке Зб. Бжезинскому от 21 сентября 1979 г.: «Позвольте мне посоветовать Вам больше не использовать в отношении Кубы термин "советская марионетка". "Марионетка" предполагает, что Куба демонстрирует революционную активность, потому что ее принуждает к этому Советский Союз. Но это, разумеется, совсем не так... Я опасаясь, что если Вы или Президент будете и дальше употреблять этот термин, то Вы можете стать объектами незаслуженных обвинений в том, что пользуетесь недостоверной информацией»².

Никаких практических выводов из этого письма, естественно, сделано не было. Но вряд ли можно было сомневаться в том, что Зб. Бжезинский был не в курсе реального положения дел. Косвенным подтверждением этого может стать оброненный вскоре им самим отзыв о Кубе как о «мини-сверхдержаве». Главным, однако же, было не это, а то, что разрядка должна была «умереть» любой ценой.

«Интернационалистская» политика Гаваны имела серьезные последствия для внутренней и внешней политики СССР. «Маленькие победоносные войны» в Африке серьезно укрепили позиции Компартии Кубы и авторитет самого Ф. Кастро на Острове Свободы, жители которого, несмотря на суровые условия существования в ситуации американской блокады и распределительной системы хозяйства, в своем подавляющем большинстве искренне гордились своей страной, ее руководством и армией. В отличие от СССР, где марксистско-ленинская идеология потеряла всякую привлекательность, а геронтократы в руководстве стали предметом для насмешек анекдотов, кубинское общество демонстрировало в те годы завидное единство, а руководство Компартии Кубы пользовалось уважением внутри страны. Несмотря на изначально прохладное восприятие «собакой» (СССР) независимых движений ее непокорного «хвоста» (Кубы), отношения Москвы с Гаваной в 80-е гг. достигли своего пика, а руководитель Кубы – Фидель Кастро – стал для советских людей самым харизматичным лидером из всех руководителей стран бывшего «социалистического содружества». Р. Готт справедливо назвал этот период «медовым месяцем» в советско-кубинских отношениях³.

На этом фоне не вызывает отторжения мнение, которое было высказано в свое время первым заместителем заведующего Международным отделом ЦК КПСС К.Н. Брутенцем, о том, что пример Кубы мог стать одной из причин ввода советских войск в Афганистан в 1979 г. По свидетельству Арне Вестада, в личной беседе с ним Карен Нерсесович заявил о том, что Ангола имела своим продолжением Эфиопию, а та, в свою

1 Кокошин, 2015.

2 "Pastor to Brzezinski," 2001.

3 Gott 2007, 320.

очередь, – Афганистан, но не в плане обстоятельств или самого характера вмешательства, а «в плане установления контроля над левыми движениями во всем мире, толчком к которому послужили события в Анголе»¹.

По замыслу советских руководителей, «маленькая победоносная война» в Афганистане, помимо всех прочих выгод геополитического и прочего характера, очевидно должна была бы, как и в случае с Кубой², консолидировать советское общество вокруг «идеалов социализма» и политики Коммунистической партии. На решение о вводе войск, несомненно, повлияло и то, что к тому времени советское руководство, видимо, уже пришло к убеждению, что пытаться и дальше «спасать» разрядку – бесполезно. Для него стало совершенно ясным, что упорные старания Вашингтона тесно «привязать» СССР к африканским авантюрам Кубы – это не плод «ошибки» аналитиков из госдепартамента, а осознанная тактика, направленная на срыв разрядки. Повторить африканский опыт Кубы в Афганистане у Советского Союза, однако, не получилось³, что и стало одной из причин его последующего распада.

Более углубленный анализ интернационалистской активности Кубы в Африке позволяет сделать ряд важных выводов относительно ее последствий для международного коммунистического движения и влияния на расстановку сил в мире накануне начала политики перестройки в Советском Союзе.

Политика разрядки, принятая на вооружение Советским Союзом в качестве стратегического направления внешней политики, к середине и концу 1970-х гг. перестала находить нужный отклик в руководстве США, где она рассматривалась лишь как тактическое средство для преодоления накопившихся проблем (необходимость сглаживания последствий поражения во Вьетнаме и Уотергейтского скандала).

Окончание разрядки, резко обозначившееся после ввода советских войск в Афганистан, не позволило СССР достичь намеченной цели: перенаправить средства, высвобождаемые от гонки вооружений, на улучшение условий жизни советского народа. К тому же революционная активность Кубы способствовала дальнейшему расслоению ранее единого «фронта антиимпериалистических сил».

Демократические подвиги, начавшиеся в Польше (движение «Солидарность»), теория «еврокоммунизма», распространившаяся в компартиях Италии, Испании и Франции, все больше противоречили «интернационалистской» политике таких стран, как Куба, Китай и Вьетнам. Раскол в «мировом коммунистическом движении» к началу 80-х гг. стал свершившимся фактом, что не могло не оказывать негативного влияния на авторитет правившей в Советском Союзе коммунистической партии.

Ослабление идеологических устоев «реального социализма» стало серьезным фактором, который подвиг советское руководство в лице заступившего на пост Генерального секретаря ЦК КПСС в 1985 г. М.С. Горбачева начать политику перестройки и гласности. Лозунг «Больше социализма!», выдвинутый в ее начале, очевидно, должен был, по замыслу ее инициаторов, привлечь на сторону СССР все страны и «демократические» силы во всем мире, которые были так или иначе заинтересованы в продолжении социалистического эксперимента на новом витке исторического развития. Перестройка, однако, не встретила понимания на Кубе, для которой проявлять самостоятельность и даже «строптивость» в отношениях с ее могучим покровителем стало уже обыденным делом.

1 Westad 1997, 29.

2 К этому можно добавить успешную операцию армии Демократической республики Вьетнам в Кампучии (Камбодже) в 1979 г.

3 После «вывода» американских войск из Афганистана осенью 2021 г., который на фоне организованного вывода советского воинского контингента из Афганистана в 1989 г. казался паническим бегством, многие международные наблюдатели считали, что СССР вполне мог бы считать себя победителем. Тем более что после вывода советских войск просоветское правительство Наджибуллы сохраняло контроль над этой страной еще в течение 3-х лет.

Апрельский визит Горбачева на Кубу в 1989 г. и его «откровенный» разговор с Ф. Кастро о пользе перестройки не смог сгладить нараставшие противоречия. В том же году на Кубе было фактически запрещено распространение ряда советских СМИ, издававшихся на испанском языке, а политика СССР стала подвергаться публичной критике. По сведениям Ан. А. Громыко, на переговорах с президентом США Дж. Бушем-старшим, проходивших на о-ве Мальта в декабре 1989 г., М.С. Горбачев столкнулся с жесткой позицией главы американской администрации, который заявил о том, что «Кастро ставит Москву в неловкое положение». Дж. Буш-ст. потребовал от СССР прекратить поддерживать Кубу и Никарагуа¹. Поддержка Никарагуа прекратилась. Однако даже в тот год, когда советское руководство в лице Горбачева, казалось, было готово на все мыслимые и немыслимые уступки в пользу США, открыто «бросить» Кубу Советский Союз вплоть до его окончательного распада не смог². Но уже в конце 80-х гг. начался процесс медленного ухода СССР с Кубы, который выражался в неуклонном сокращении поставок нефти и общего товарооборота, консервации строящихся предприятий (в том числе АЭС «Хурагуа») и объектов инфраструктуры и т.д. После распада Союза уход стал свершившимся фактом, что вынудило правительство Кубы объявить о введении в стране режима тотальной экономии, так называемого «особого периода в мирное время».

«В начале 90-х гг., – отмечает М. Кодзоев, – кубинское руководство поменяло свою внешнеполитическую стратегию на более мягкую. К примеру, в 1991 г. страна вывела свои войска, дислоцированные в Анголе»³. Африканская эпопея Гаваны закончилась. К этому ее вынуждали обострившиеся внутривнутриполитические, в первую очередь экономические, проблемы. Однако африканская политика принесла свои плоды. Резкое ухудшение и без того низкого общего жизненного уровня кубинцев в начале 90-х гг. не заставило их в массовом порядке и регулярно устраивать демонстрации, акты неповиновения и пр., добиваясь свержения правительства Кастро. Вероятно, запас политической прочности режима, заложенный в 1970-е гг. успехами в Африке, все еще играл свою роль⁴.

Два трека – советско-американский и советско-кубинский, – которые обозначились в мировой политике после окончания Карибского кризиса, по-разному оцениваются в отечественной и зарубежной историографии. Если первому уделяется основное внимание, то второй этим вниманием явно обделен. А он, на наш взгляд, серьезно повлиял на череду всех последующих событий, среди которых следует выделить: а) попытки Кубы осуществить «экспорт революции» в странах Латинской Америки, ответом на которые стала череда военных переворотов и долгая эпоха правления военно-диктаторских режимов (с 1964 по 1989 г.); б) участие кубинских «добровольцев» в гражданской войне в Анголе и в сомалийско-эфиопском конфликте, которое серьезно укрепило внутривнутриполитические позиции правительства Ф. Кастро, но одновременно использовалось США для окончания политики разрядки; и, наконец, в) появление нового стимула для ввода советских войск в Афганистан, который впоследствии стал одной из причин распада Советского Союза. Необходимо также отметить и тот факт, что вертикальная прочность, заданная кубинскому режиму «маленькими победоносными войнами» в Африке, отчасти помогла ему без особых потерь пережить «особый период в мирное время» и сохранить социалистический строй на Кубе вплоть до сегодняшнего дня.

Практические выводы отсюда могут быть таковы: в нынешних непростых исторических условиях внешняя политика России больше не может руководствоваться идеологическими соображениями, мотивами личной дружбы или даже какими-то коллек-

1 Громыко 1997, 199.

2 Громогласова 2019.

3 Кодзоев 2020, 40.

4 К этому необходимо, разумеется, добавить и миграционную политику Ф. Кастро, который благоразумно открывал двери на выезд из страны всем, кто был недоволен его режимом.

тивными, блоковыми интересами. Наша страна располагает достаточно мощными собственными рычагами воздействия на внешний мир, чтобы подчинять свои национальные интересы идеологиям, эмоциям или схемам.

Здоровый прагматизм, опыт наших прошлых и нынешних отношений с США и, в частности, история разрядки 1960–х и 1970–х гг. показывают недалекость расчёта на выстраивание долговременных, равноправных, «партнерских» и пр. отношений с Вашингтоном. Такие отношения могут иметь место только тогда, когда Соединенные Штаты переживают внутривластный кризис или серьезные внешнеполитические затруднения. Что касается Кубы, то отношения с этой страной, которые до сих пор носят теплый, дружественный характер, унаследованный еще со времен Советского Союза, не терпят рецидивов «покровительственного» и неуважительного подхода, характерного для событий октября 1962 г. Эти рецидивы, к сожалению, имели место в начале 1990–х и в октябре 2001 г. в связи с односторонним закрытием Россией центра электронного слежения в Лурдесе. Отношения с Кубой, до сих пор «союзнические», пока еще способны оказывать благоприятное информационное воздействие на восприятие России как великой мировой державы в соседних с Кубой странах латиноамериканского региона.

→ Список литературы / References

- Громогласова, Е.С. А.А. Громыко на страницах газеты «Нью-Йорк Таймс» // *Современная Европа*. – 2019. – №6 (92). – С. 183–194. <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope62019183193>.
- Gromoglasova, E.S. "A.A. Gromyko on the pages of "The New York Times". " *Sovremennaya Evropa* 6 (2019): 183–194. <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope62019183193>. [In Russian]
- Громыко, А.А. Андрей Громыко. В лабиринтах Кремля. – Москва: ИПО «Автор», 1997. – 253 с.
- Gromyko, A.A. *Andrei Gromyko. In the Kremlin's Labyrinths*. Moscow: IPO "Author", 1997. [In Russian]
- Кодзоев, М.А. США – Куба: эхо холодной войны. – М: ИЛА РАН, 2020. – 273 с.
- Kodzoyev, M.A. *US – Cuba: An Echo of the Cold War*. Moscow: ILA RAS, 2020. [In Russian]
- Кокошин, А.А. Карибский кризис 1962 г. и его уроки // *Вопросы истории*. – 2015. – №9. – С. 3–16.
- Kokoshin, A.A. "The Caribbean crisis of 1962 and its lessons." *Voprosy istorii* 9 (2015): 3–16. [In Russian]
- Микоян, С.А. Анатомия Карибского кризиса. – М.: "Academia", 2006. – 1069 с.
- Mikoyan, S.A. *Anatomy of the Caribbean Crisis*. Moscow: "Academia", 2006. [In Russian]
- Gleijeses, Piero. "Havana's Policy in Africa, 1959–76: New Evidence from Cuban Archives." *Cold War International History Project Bulletin* 8–9 (1996/1997).
- Gott, Richard. *Cuba. Una Nueva historia*. Madrid: Ediciones Akal, 2007.
- "Pastor to Brzezinski, 21 September 1977." *Cold War International History Project Bulletin* 13 (2001).
- "Russian and East German documents on the Horn of Africa, 1977–78; Interview of Berhanu Bayeh 18 March 1977." *Cold War International History Project Bulletin* 8–9 (1996/1997): 50–102.
- "Russian and East German documents on the Horn of Africa, 1977–78; Transcript of Meeting between East German leader Erich Honecker and Cuban Leader Fidel Castro, East Berlin 3 April 1977 (excerpts)." *Cold War International History Project Bulletin* 8–9 (1996/1997).
- Spenser, Daniela. "The Caribbean Crisis: Catalyst for Soviet Projection in Latin America." In *In from the Cold*, edited by Gilbert M. Joseph, Daniela Spenser, and Emily S. Rosenberg, 77–111. Durham: Duke University Press, 2020. <https://doi.org/10.1515/9780822390664-004>.
- Westad, Odd Arne. "Moscow and the Angolan crisis, 1974–1976: A New Pattern of Intervention." *Cold War International History Project Bulletin* 8–9 (1996/1997): 21–32.

Artículo de investigación

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2021-10-1-38-52>

Relaciones soviético-cubanas después de la Crisis de octubre, el colapso de la distensión y sus aprendizajes para el futuro

© B.F. Martynov, 2022

Boris F. Martynov, Dr. habil. (Política), Profesor, Jefe del Departamento de Relaciones Internacionales y Política Exterior de Rusia, Universidad MGIMO, Moscú (Rusia)

E-mail: bfmartynoff@gmail.com

Para la correspondencia: 119454, Rusia, Moscú, Vernadskogo Ave., 76

Recibido: 25.01.2022

Revisado: 26.02.2022

Aceptado: 05.03.2022

Para citar: Martynov B.F. Relaciones soviético-cubanas después de la Crisis de octubre, el colapso de la distensión y sus aprendizajes para el futuro. *Cuadernos Iberoamericanos* 10, no. 1 (2022): 38-52. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2022-10-1-38-52>.

→ Resumen

Los resultados de la Crisis de octubre en la literatura nacional y extranjera rara vez fueron abordados desde el punto de vista de las relaciones soviético-cubanas, que influyeron en la política internacionalista de Cuba en África en la década del 70. El artículo analiza: el grado de independencia de la política de Cuba en África, la participación en sí de la URSS y la valoración de las acusaciones vertidas por Washington. Los resultados del análisis mostraron que el envío de "voluntarios" por parte de Cuba, primero a Angola y luego a Etiopía, no se realizó por iniciativa de la URSS, que trató de mantener la distensión en las relaciones con Occidente. Además, un nuevo deterioro de las relaciones con Cuba en las condiciones del agravamiento de las contradicciones soviético-chinas, el aumento de las tendencias rotatorias en la «comunidad socialista» y el surgimiento del "comunismo europeo" amenazaron con un mayor debilitamiento del sistema mundial del socialismo y la erosión de las bases ideológicas del marxismo leninismo. Sin embargo, las acusaciones contra la URSS sobre la intervención en África fueron utilizadas por la administración de John Carter para rechazar unilateralmente una política de distensión que, a los ojos de Estados Unidos, se ha vuelto obsoleta, por otro lado, poniendo fin a la política de distensión por parte de Afganistán. Un análisis de la actividad internacionalista de Cuba en África

permitió al autor extraer una serie de conclusiones sobre sus consecuencias para el movimiento comunista internacional y el impacto en el equilibrio de poder en el mundo en vísperas del inicio de la política de la perestroika en la Unión Soviética. El fin de la política de distensión no permitió a la URSS redirigir los fondos liberados de la carrera armamentista para mejorar las condiciones de vida del pueblo soviético. La actividad revolucionaria de Cuba contribuyó a la estratificación del "frente de fuerzas antiimperialistas previamente unido. El debilitamiento de los fundamentos ideológicos del "socialismo real" fue un factor adicional que llevó al liderazgo soviético representado por M.S. Gorbachov al comienzo de la política de perestroika. Los "éxitos" de Cuba en África contribuyeron a la consolidación de la sociedad cubana en torno a las políticas del Partido Comunista de Cuba, el cual, a su vez, la ayudó a sobrevivir las dificultades del "período especial en tiempo de paz" de principios de la década de 1990.

→ Palabras clave

Guerra fría, Crisis de octubre, política de distensión, Angola, conflicto Somalí - Etiope, política exterior de Cuba, política de "perestroika"

Declaración de divulgación: El autor declara que no existe ningún potencial conflicto de interés.